

Василий НАСЕДКИН

Вокзал судьбы

Василий Наседкин родился в 1895 году в Уфимской губернии в крестьянской семье, окончил сельскую школу, потом учительскую семинарию. В 1914 году познакомился с Сергеем Есениным. Сестра Есенина Екатерина вскоре стала женой Наседкина, а самого Василия называла самым близким другом Сергея.

Наседкин активно участвовал в Октябрьской революции в Москве, был членом Реввоенсовета, комиссаром полка, затем боролся с басмачами в Туркестане. В 1923 году поступил в Высший литературно-художественный институт им. Брюсова, входил в литературную группу «Передел». Первые стихи опубликовал в газете «Правда», сотрудничал в журналах «Город и деревня», «Колхозник» и других. Издал три поэтических сборника: «Тёплый говор», «Ветер с поля», «Стихи» и книгу воспоминаний о Есенине.

Был арестован по сфабрикованному «делу литераторов» и 15 марта 1938 года расстрелян вместе с другим крестьянским поэтом и другом Сергея Есенина Петром Орешниным на полигоне «Коммунарка» под Москвой.

* * *
Поезд мчался в широких азийских степях.
Помню мостик аршинный
да запах полыни,
И висели вдали сотней серых папах
Облака — пограничным отрядом пустыни.

Рельсы выли, и стража меняла свой фронт,
Налетая к вагонам и слева, и справа,
И кружился, качаясь, степной горизонт
Голубым колесом на обугленных травах.

Поезд мчался, как гром, и трубя, и пыля,
И кидаясь в противника клубами дыма,
И свистело кругом, и дрожала земля
От колёс, убегających вдаль невредимо.

Но сидящим в вагонах всё было, как спорт,
Было просто движенье
над скучною далью.
Лишь ребёнок — сосед мой —
угадывал спор
Меж безводной пустыней
и ржущей сталью.

Он был прав:
В диком топоте стад,
Как от смерти, шарахались юрты в полыни
И потом, отбежав без оглядки назад,
Отдыхали под знойные вздохи пустыни.

Травы реже.
Дымилась барханы кой-где.
Поезд громко кому-то кричал о свиданье,
И шипели пески, будто в чёрной беде,
Уползая с крыльца станционного зданья.

* * *
Что это? Шорох прибора?
Шелест берёзовой чащи?
Глянул в окно — голубое!
Глянул — какое счастье!

Жив я и мудр на свете:
Небо имею и землю,
А заиграет ветер —
До иступленья внемлю.

А как набухнут тучи,
С громом опустят воду, —
Этих мгновений лучше
Нет и не будет сроду.

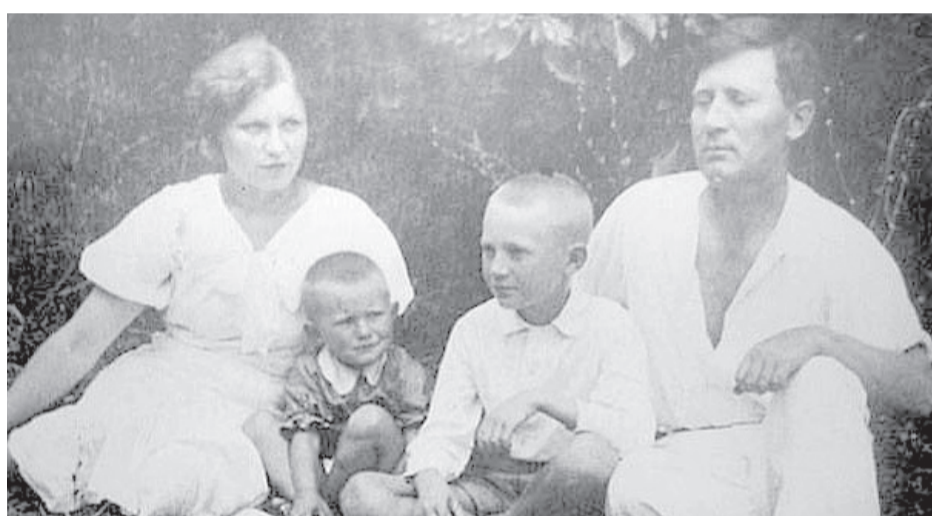
Где-то далёко сети
Дождь распустил (как снится!).
Это танцуют дети,
Те, что должны родиться.

Вокзал

Часов электрических взмахи
Людьми управляют и тут,
Роняя надежды и страхи
С железных улыбок минут.

Сражённые той же улыбкой,
Как будто с предсмертной тоски,
То грубо, то жалобно-хлипко
За окнами воют гудки.

И машет, качается время
Лицом пожелтевшим луны,
А где-то за стрелками дремлют
Хребты голубой тишины.

Е.А. Есенина, В.Ф. Наседкин с детьми Натальей и Андреем. 1937 г.

А в залах гуденье и шорох
И воздух волнисто-рябой,
Но в жестах, в словах и во взорах
Хранит свою тайну любой.

Пора.
И — зияющий выход,
И в ночь обречённый вагон.
Уселись — стало вдруг тихо,
И тихо качнулся перрон.

И вот, в дребезжаньи и хрусте,
Сквозь мглу, и сугробы, и ширь,
Немного тальянки и грусти,
Пять вёрст от Москвы и — Сибирь.

* * *
Синью тёпую крадётся
До крыльца дорогой,
Я не думал, что радость
Будет та же с другой.
Та же трепетность встречи,
Ласки пьяной руки
И под розовый ветер
В облаках огоньки.
Мне казалось, не будет
Ни утрат, ни потерь,
Милый шаг не забудет
Открывать мою дверь.
Но случилось иное.
Кто-то память отсек,
И уж сердце не ноет
Об ушедшей навек.
Снова частые встречи.
Те же речи — с другой.
Тот же в небе под вечер
Месяц жёлтый — дугой.

* * *
Не унесу я радости земной
И золотых снопов зари вечерней.
Почувствовать оставшихся за мной
Мне не дано по-детски суверенно.

И ничего с собой я не возьму
В закатный час последнего прощанья.
Накинёт на глаза покой и тьму
Холодное, высокое молчанье.

Что до земли и дома моего,
Когда померкнет звёздный сад ночами,
О, если бы полдневной синевой
Мне захлебнуться жадными очами,

И расплескаться
в дымной синеве,
И разрыдаться ветром
в час осенний,
Но только б стать родным
земной листве, —
Как прежде,
видеть солнечные звенья.

* * *
Вражду и дружбу обойдя,
Спокойно провожая лето,
Я песню древнюю дождя
Сегодня слушал
до рассвета.

С рассветом дождь ушёл в зарю,
И где-то тонко пела просинь,
А в сад мой, полный слёз, —
смотрю,
Калитку открывает осень.

Мороз

Я деду этому не верю,
Он слишком зол,
Он слишком рьян.
Нет, он скорей похож на зверя,
Далёких приполярных стран.

Как он ворчит
И чуть не плачет,
Когда идёшь ему навстречь!
Он явно из семьи кошачьей,
Кошачья злость его и речь.

Его пружинистое тело
Перелетит и через сад.
Он весь, как тигр,
Но только белый,
И белые усы торчат.

Вот он стоит на перекрёстке,
К прыжку согнувшийся в кольцо.
Махнёт хвостом —
И ветер жёсткий
Ударит каждому в лицо.

Вот прыгнул вверх
И лапой вора
Скребёт по стёклам этажей,
И в окнах — льдистые узоры,
И там, за окнами, — свежей.

Так день и ночь
Он рыщет всюду
По переулкам и дворам,
И на ветвях свисает грудой
Пушистый иней по утрам.

И от полярного питомца
Бросает город в полутьму,
Косится раненое солнце
И тихо прячется в дыму.

А теплота костров несмелых
На каждой улице —
смешна.
Ему страшна, — он знает,
белый, —
Одна лишь красная весна.

* * *
В поле голос чей-то
Долог и несносен.
На унылой флейте
Заиграла осень.

Тёмною прохладой
Веет с поднебесья.
Что же тебе надо,
Жалобная песня?

Или жалко лета,
Голубую пору?
Ах, осенней флейтой
Буду сам я скоро...

Ночная дорога

Жуть — пристяжкой.
Час глухой.
След дороги неприметен.
Леденело трухой
Обдаёт шершавый ветер.
Поступь конская строга.
По оврагам волчья взгляды.
Эти грязные снега,
Видно, им одни лишь рады.
По дороге в полутьме —
Тут ухабы, там сугробы.
Знай, что будет страшно мне,
Не поехал ни за что бы,
Я любому бы сказал:
— Милый мой,
Ты сам езжай-ка,
Если вдруг затосковал,
Или ждёт тебя хозяйка.
Всё же еду.
Час глухой.
Вой погоды неприветен.
Дымной пляшущей трухой
Обдаёт шершавый ветер.
К черту страхи!
Я готов
И гнуснее слушать речи.
Вон уж крики петухов
Долетают мне навстречу.
Пояс радуги с луной
Выплыл, словно для потехи.
Луч оборванной струной
Задевает даль и вежи.
Избы — мимо, в стороне.
Я спешу до новых окон.
Полям, будто по луне,
Конь бежит
Тяжёлым
Скоком.